

Индоктринация как психический феномен

ОБЩЕСТВО,
КУЛЬТУРА, НАУКА,
ОБРАЗОВАНИЕ

Наука и общество

Савенков Александр Ильич,

доктор педагогических наук, доктор психологических наук,
профессор кафедры психологии развития Московского
педагогического государственного университета

Постановка проблемы

Почему существует национализм и войны? Ради чего сотни тысяч людей оказываются готовыми идти в чужие земли и сражаться на смерть за идеи, рождённые не ими, под началом лидеров, которых они лично не знают и, скорее всего, даже никогда не увидят? Что толкает их с готовностью погибать «за Родину», «за фюрера», «за идеалы демократии» или мифический «единый халифат»?

Как получается, что одни художники ищут свою собственную дорогу в искусстве, а другие стремятся встать под флаги уже признанных течений, и с гордостью именуют себя «неоимпрессионистами», «гиперреалистами» или «куртуазными маньеристами»?

Одни учёные сражаются за истину, а другие находят своё место в рамках традиции, постоянно подчеркивая, что принадлежат к определённой научной школе и с увлечением следуют в фарватере чужих идей, — что ими движет?

Как политики сплачиваются в партии?

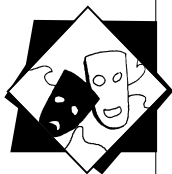
Что заставляет подростков объединяться в группы, которые взрослые именуют неформальными? Как работает механизм этого объединения?

В чем причина того, что люди оказываются в сетях тоталитарных сект?

Почему многие наши сограждане так страдают от отсутствия «новой русской идеи»? И кому действительно нужна «новая русская идея»?

Эти явления на первый взгляд кажутся разнородными и далёкими друг от друга, однако связь между ними существует. Человек остаётся человеком, кем бы он ни был и чем бы не занимался. Внешнее разнообразие сфер приложения его усилий совсем не так специфично как принято считать, а потому в основе этих, столь непохожих внешне, явлений лежит готовность человека некритически воспринимать чужие мысли.

Человеческая жизнь во многом определяется миром идей. Почему и благодаря чему мы принимаем, разделяем, отстаиваем те или иные идеи, а другие отторгаем, отказываемся понимать и воспринимать? Часто ли мы идеи принимаем для себя критически, обдуманно? Пожалуй, мы чаще оказываемся в ситуации некритического принятия чужих идей, т.е. становимся индоктринированными. Что это за феномен, каковы его механизмы, как он проявляется и в каких ситуациях, что ему может противостоять — основные вопросы, обсуждаемые в этой статье.

Важно понимать, что в современном мире используется множество технологий эффективно программирующих наше сознание и внедряющих в него множество идей потенциально опасных для нас. Это ни для кого не секрет, как и то, что делается это обычно помимо нашей воли. Значительно меньше известно то, что мы сами имеем природную расположенность к такому программированию. Есть и ещё одна особенность, которая также особо не афишируется — *средства для разработки противодействия различным вариантам программирования сознания разрабатываются значительно менее интенсивно, чем способы установления контроля над людьми.*

Так, например, при производстве вооружений все обстоит иначе и если кто-то создаёт танк, то обязательно найдется конструктор, который сделает гранатомет, если кто-то разработает супер-самолет, то ответом будет изобретение зенитной ракеты. В нашем случае все иначе. Эффективные психологические техники установления контроля над сознанием, способы «промывки мозгов», зомбирования и тому подобное активно разрабатываются и щедро финансируются политическими партиями, религиозными общинами, этническими объединениями и даже государствами, а вот противостояние этому давлению оказывается личным делом каждого из нас. Поэтому редкий исследователь и, как правило, в основном по собственной инициативе, часто преодолевая скрытое сопротивление, готов вести научные изыскания в этом направлении и разрабатывать специальные психологические технологии.

Несложно заметить, как опасна подобная диспропорция в наше время, когда средства доставки информации столь многообразны и так эффективны. Чувствуем ли мы опасность и почему это нас не тревожит?

Индоктринация: проблема определения

Корень слова «индоктринация» — доктрина (doctrina — от латинского — учение, научная или философская теория, система, руководящий принцип). Приставка «ин», вероятно, относится к числу более поздних англоязычных наслоений «in» — «в». Образно говоря, речь идёт о неком пребывании «внутри каких-либо доктрин».

Понятие индоктринация охватывает широкий спектр явлений характеризующих мышление и поведение человека в самых разных жизненных ситуациях. При этом можно констатировать, что в настоящее время этот термин не используется в отечественной научной психологии. В данном контексте под индоктринацией следует понимать **некритическое принятие личностью чужих идей (доктрин)**. Подчеркну, что речь идёт о явлении, характеризующем особое состояние психики, специфический механизм и одновременно процесс идентификации личности с группой через принятие групповых ценностей, идей или доктрин.

Таким образом, индоктринация предстает перед нами в нескольких ипостасях:

- как особое **состояние психики** человека (когда говорят о том или ином человеке — «он индоктринирован»);
- как **процесс** некритического присвоения чужих идей или доктрин;
- как **результат** «промывания мозгов», зомбирования или действия методов «контроля сознания».

Термин индоктринация предложен этологами, специализирующимися на проблемах человеческого поведения. Они обычно рассматривают явление индоктринации в несколько ином ключе. Так, например, по мнению известного этолога И. Эйбл-Эйбесфельдта индоктринация — это «...способность к специальному формированию диспозиции, обеспечивающей принятие групповых характеристик и идентификацию с ними, которая тем самым служит сплочению и демаркации «мы — группа»¹.

Другие исследователи Дж.Палмер и Л.Палмер понимают под индоктринацией — «внушение точки зрения или принципов». Причём подчеркивают, что речь идёт о принципах фанатических или сектантских². В этом случае индоктринация рассматривается преимущественно как процесс «внушения чужеродных идей», имеющий явную негативную окраску.

Родственный этому вариант определения индоктринации предлагает этолог Ф. Солтер³. Он характеризует индоктринацию как преднамеренное внушение идентичности или доктрины, требующее повторения, обмана, а зачастую и принуждения. Здесь как видим, автором специально отмечается наличие факта «злого умысла» и особо подчеркивается то, что делается это, как правило, осуждаемыми методами, осуждаемыми по этическим соображениям.

Аналогичное понимание индоктринации как психического явления содержится в большинстве работ посвящённых проблемам «реформирования мышления» (*Сингер М.*)⁴, «деструктивного контроля сознания» (*Фестингер Л., Хассен С.* и др.)⁵ «принудительного убеждения» (*Шайн Э.*).

Суммируя суждения, предложенные большинством специалистов, можно сделать вывод о том, что индоктринация рассматривается ими преимущественно как негативное явление, покушающееся на автономность личности, и осуществляемое обычно недостойными методами (обман, угроза, принуждение и др.). Мне представляется очевидным, что такая трактовка индоктринации неоправданно сужает её смысловое поле и не отражает действительного положения вещей. Потому и обсуждения этой проблемы в данном ключе недостаточно продуктивны.

Во-первых, необходимо отказаться от явной негативной окраски этого явления и признать что индоктринация это не всегда — плохо. Периодически человеку жизненно важно некритически принимать те или иные доктрины.

1

Eibl-Eibesfeldt I. Us and the others: The familial roots of ethnonationalism // Eibl-Eibesfeldt I., Salter F.K. (Eds.). *Indoctrinability, ideology, and warfare: Evolutionary perspectives.* N.-Y., 1998. P. 51.

2

Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения *Homo sapiens.* СПб., 2003. С. 371.

3

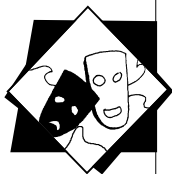
Salter F.K. Indoctrination institutionalized persuasion: Its limited variability and cross-cultural evolution // Eibl-Eibesfeldt I., Salter F.K. (Eds.). *Indoctrinability, ideology and warfare Evolutionary perspectives.* N.-Y., 1998.

4

Singer M., Latich J. *Cults in Our Midst.* Jossey-Bass, 1997.

5

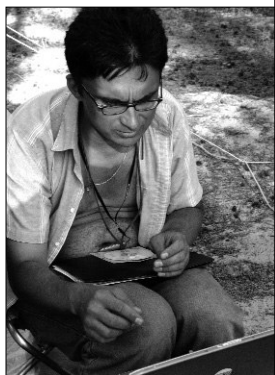
Festinger L., Rieken H., Schacher Stanley. *When Prophecy Fails: A Social and Psychological Study of Modern Group that Predicted the Destruction of the World.* N.Y., 1956; *Хассен С.* Освобождение от психологического насилия. Деструктивные культы. Контроль сознания. Методы помощи. СПб., 2003.

Во-вторых, стоит принять принцип, что данное явление не нужно рассматривать только в «черно-белом» варианте, с точки зрения «хорошо-плохо». Индоктринация — это не хорошо и не плохо, она просто есть, и о ней надо знать и постоянно помнить. Её необходимо учитывать как специфическую черту, характеризующую мышление и поведение человека.

В-третьих, индоктринация далёко не всегда итог принуждения, запугивания или обмана. Она может быть продуктом весьма мягкого воздействия на личность и даже осознаваться человеком как его «собственный выбор». Причём последнее характерно не только для конформистов, но и для высококреативных и социально автономных людей.

Истоки индоктринации

Эволюционная психология утверждает, что индоктринация в сообществах *Homo sapiens* возникла в ходе эволюции. Эта гипотеза представляется вполне убедительной. По мнению специалистов в области эволюционной психологии, одним из важнейших факторов интенсивной энцефализации *Homo sapiens* были межгрупповые конфликты и соперничество. Они и привели к порождению у нашего вида особых, сложных когнитивных атрибутов одним, из которых является стремление к идентификации личности с группой. Возникающее у человека при определённых условиях не критическое отношение к чужим идеям и доктринам, именуемое индоктринацией является его крайним вариантом. Данная особенность естественна для человека и необходима, как одно из условий выживания, при этом она таит в себе ряд потенциальных опасностей, о которых следует помнить.

Примечательно, что несмотря на весьма широкое распространение практики группообразования и выстраивания иерархий доминирования в мире животных индоктринация специфична только для вида *Homo sapiens*. Её следы не обнаруживаются не только у социальных насекомых с примитивным уровнем организации (шмели, осы и др.), но даже у приматов. Представляется весьма естественным, что способность к критическому либо не критическому восприятию чужих идей — исключительно человеческое отличие. Она свойственна людям в силу существования речи и сознания.

Поведенческие признаки, в число которых входит индоктринация, подобно любым морфологическим признакам организма развиваются на основе генетической программы с большим или меньшим воздействием средовых факторов. В отношении индоктринации, как специфического для человека поведенческого признака, этот принцип действует неукоснительно.

Индоктринация как результат «культурного импринтинга»

Как известно термин импринтинг ввел в научный обиход нобелевский лауреат, австрийский этолог К. Лоренц⁶. Наблюдая за птенцами гусей и уток, он обнаружил эффект особой фиксации любого движущегося объекта (человек, собака, кошка и др.) птенцами, только что вылупившихся из яиц. В дальнейшем птенцы начинают следовать за этим объектом, относясь к нему как к матери.

Термин «культурный импринтинг» предполагает аналогичное запечатление образов, но на другом уровне. Этот термин условен под ним, в данном контексте следует понимать особый вариант индоктринации, проявляющийся у человека в момент становления сознания. Речь идёт об особых чувствительных периодах детства, когда у людей формируется групповая верность, и таким образом, они становятся очень резистентными к формированию альтернативной верности в последующей жизни. Культурный импринтинг не предполагает насилия. Он требует всего лишь минимального воздействия иницирующего стимула в течение чувствительного периода.

Наиболее яркий пример «культурного импринтинга» — прочные аффилиативные связи, обычно возникающие внутри семьи. В результате действия механизма культурного импринтинга, даже усыновлённый ребёнок, развиваясь в семье приёмных родителей, именно их будет считать «настоящими родителями». Последующее (возможное) знакомство с «биологическими родителями» способно привести этого ребёнка к мощному когнитивному диссонансу, а возможно и к серьёзному психологическому кризису. Очевидно, и вполне естественно, что родовая аффилиация может формироваться в манере подобной импринтингу. Но возникает законный вопрос — может ли таким же образом формироваться верность более крупным группам?

На данный вопрос, несмотря на протесты ряда этологов (*Salter F.K.* и др.)⁷, можно ответить утвердительно. Иллюстрацией индоктринации возникшей в результате «культурного импринтинга» может быть воспитание в духе определённых социально-культурных традиций. Речь идёт об особых традициях, в рамках которых обычно протекает воспитание личности: идеологических, этнических, религиозных, сословных и других.

Например, дети, родившиеся и выросшие в Советском Союзе, с самого раннего возраста воспитывались в духе коммунистической идеологии. Она не была и не могла быть их собственным политическим выбором, её навязали, но ребёнок, помимо собственного желания, впитывал в себя данные идеи и представления (подчеркну — с разной степенью глубины). Именно сквозь их призму он рассматривал и оценивал окружающее.

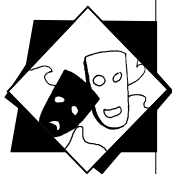
Примечательно, что многие люди, ставшие впоследствии диссидентами, признавались в том, что в подростковом и даже в

6

Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998.

7

Salter F.K. Indoctrination institutionalized persuasion: Its limited variability and cross-cultural evolution // Eibl-Eibesfeldt I., Salter F.K. (Eds.). Indoctrinability, ideology and warfare Evolutionary perspectives. N.-Y., 1998.

юношеском возрасте они были яркими сторонниками коммунизма. И только став взрослыми и осознав антигуманность существующего строя, начинали активную борьбу. Заметим при этом, что, став диссидентами, они оказались вновь индоктринированы. На уровне функционирования психики у многих из них ничего не изменилось, просто вновь усвоенные ими доктрины были по содержанию диаметрально противоположны предыдущим. Именно поэтому многие советские диссиденты так схожи по своим манерам с теми, с кем они активно боролись — коммунистами.

Любопытен, с точки зрения изучения действия механизма индоктринации, и другой факт — дети, подростки и юноши, не выражавшие явного интереса к коммунистическим постулатам, обычно впоследствии не становились диссидентами и мало интересовались новыми идеологемами, возникшими на волне «демократизации» в 1990-е годы. Вероятно, здесь мы можем наблюдать различия в склонностях к индоктринации, определяемых индивидуальными особенностями. О том, что существуют такие индивидуальные различия сомневаться не приходится, но сам процесс смены в сознании человека одних некритически разделяемых идей другими, вероятно, следует изучать экспериментально.

Аналогичные явления можно наблюдать в процессе формирования этнической, социальной и даже профессиональной идентичности, где механизм «культурного импринтинга» интенсивно работает, на ниве индоктринации.

Индоктринация как иллюзия личного выбора

Одна из серьёзных опасностей некритического присвоения чужих идей состоит в том, что индоктринированный человек оказывается неспособным осознавать факт собственной индоктринации. Часто индоктринация, тонко выстроенная на методах «контроля сознания», воспринимается человеком как его личный выбор.

Подвергшийся действию тщательно подобранных методов «контроля сознания» человек нередко искренне полагает, что принимает какое-то решение сам. На самом деле он подвергся мощному внешнему воздействию, имевшему цель разорвать связь между его мышлением и способностью принимать самостоятельные решения. Человек начинает верить в то, что он добровольно отказался от личной свободы в пользу идеологии, лидера или Бога. И только рефлексия, стимулируемая извне особым образом (техники: «освобождения от психологического насилия», «реформирования мышления» и др.), когда человек попытается посмотреть на эту ситуацию со стороны, может помочь ему оценить масштабы и степень манипулирования его сознанием.

Многих людей, живущих в нашей стране, возмущал факт «предательства» коммунистических идеалов их прежними, актив-

ными сторонниками, повсеместно наблюдаемый в 1990-е годы. Видя на телеэкране бывшего секретаря Политбюро ЦК КПСС, рвущего свой партийный билет, или отставного генсека, истового крестящегося в церкви, многие были искренне и законно возмущены.

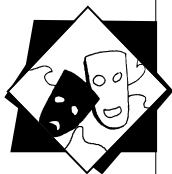
Один из профессоров, преподававших научный атеизм, ещё в конце 1970-х неоднократно говорил нам студентам, что в Советском Союзе полно безбожников, но практически нет атеистов. Атеист с его точки зрения — человек вполне осознанно принявший идею атеизма, а безбожник — человек всего лишь уверовавший в её правильность — иначе говоря, он просто индоктринирован. Поэтому достаточно изменения внешней ситуации и атеист останется атеистом, а безбожник станет верующим. Это, как показало наше время, оказалось справедливым.

Мы видим на Пасху у церкви толпы старушек, готовых целый день стоять в очереди, чтобы освятить куличи. А ведь большинство из них были не так давно убеждёнными комсомолками и вели, кроме прочего, активную атеистическую пропаганду среди населения. Не сложно заметить — факт индоктринации на лицо. В юности эти люди, в итоге «культурного импритинга», некритически приняли идеи атеизма. Но можем ли мы утверждать, что в новые времена у этих людей наступило прозрение, упала с глаз пелена, и им открылись вечные истины? Скорее всего, мы имеем дело с индоктринацией — некритическим принятием идей разделяемых новыми лидерами и большинством. В природе человека заложено приспособляться к тому, что считается правильным мышлением и поведением.

Возможно, индоктринации наиболее подвержены люди несклонные к критическому мышлению, с неразвитым интеллектом, низкой креативностью, невысоким уровнем образования. Такая гипотеза существует и даже есть техники «освобождения от психического насилия» (например, от идеологического воздействия тоталитарных сект и др.) выстроенные на стимуляции критического мышления, развитии креативности и т.п. Но, увы, приходится признать, что это не всегда справедливо.

Например, многие профессора и преподаватели кафедр марксистско-ленинской философии в советских вузах были людьми весьма креативными, с высоким интеллектом и хорошим образованием. Но это не мешало большинству из них свято верить в возможность существования «научного коммунизма», и успешно забивать головы студентам и аспирантам, диалектическим и историческим материализмом. И выбор этой идеологии они искренне считали своим личным. В 1990-е годы они вдруг вспомнили настоящих русских философов — Н. Бердяева, И. Ильина, В. Соловьёва, П. Флоренского, — и словно по волшебству превратились в их страстных поклонников и последователей.

Вероятно, отношения индоктринации с одной стороны и интеллекта, креативности, уровня образования с другой, не столь од-

нозначны, как этого бы хотелось любителям простых и ясных решений. Обнадёживает то, что все это можно проверить эмпирическими методами и получить более достоверную информацию.

Как мы должны относиться к подобным трансформациям? Эти метаморфозы казались многим возмутительными. Так, например, известный русский поэт Игорь Тальков в 1990-е годы напишет о бывших партаппаратчиках: «...Перестроились ублюдки и опять у трона, и пока они у власти — грош цена всем нам...». С этической точки зрения, поэт, безусловно, прав, но с точки зрения психологии индоктринации эти метаморфозы вполне объяснимы и даже нормальны. Просто, у готовности человека следовать в фарватере чужих идей, эволюционные корни. В итоге социальных перемен психическая организация этих людей не претерпела никаких изменений. Их мышление и поведение остались прежними, а то, что одни идеи в их сознании уступили место другим, отстаиваемым столь же страстно и жаростно — пустая мелочь, всего лишь мелкий факт биографии этих людей. Эти люди более чем другие склонны к индоктринации, конформизм одна из их основных характеристик. А развитый интеллект, креативность и высокий уровень образования, как получается, далёко не всегда способны защитить человека от индоктринации.

Возможно, эти люди достойны общественного осуждения, очевидно, что с точки зрения этики и обыденных представлений — это предательство. Но, глядя на данное обстоятельство с точки зрения психологии, следует признать, что отдельному человеку не под силу преодолеть то, что сформировано эволюцией за миллионы лет существования *Homo sapiens*. Кстати, заметим, что подобное поведение повышает способность к выживанию. Эти люди весьма неплохо жили при прежней власти, и сейчас занимают верхние ступени социальной лестницы.

Аналогичен вариант присвоения личностью традиций того или иного этноса, социальной или профессиональной группы.

Индоктринации и религиозные культы

Наиболее жёстко проблема индоктринации обсуждается применительно к противодействию общества деятельности деструктивных, религиозных культов. Речь идёт, в первую очередь, о различных тоталитарных сектах. Попадание человека в их сети приводит к тяжёлым последствиям, жизненным трагедиям и даже физической гибели.

Слово «культ» происходит от латинского «cultus» — дословный перевод — «поклоняться» или «почитать», что-либо. По утверждению авторов Оксфордского словаря английского языка оно вошло в обиход в XVII веке. С середины XIX века этим словом стали именовать обособленные религиозные группы.

С религиозной точки зрения «...культ — это группа людей, убеждения которых основаны на превосходстве определённого лидера, что неизбежно влечет за собой отрицание центральных доктрин христианства, как они изложены в Библии»⁸.

Индоктринация как результат идентификации с лидером

Одна из наиболее распространённых причин индоктринации — идентификация с лидером или с избранным эталоном (нравственным, профессиональным и другим идеалом). В роли последнего может выступать реальный человек (государственный деятель, учёный, художник, полководец и др.), либо мифологический, литературный или кино-герой. Остановимся в начале на самом жёстком варианте — индоктринации в результате идентификации с лидером тоталитарной секты.

Стоящие во главе тоталитарных сект харизматические лидеры применяют, как правило, жёсткий авторитарный стиль руководства. Они обычно интуитивно, и при этом весьма эффективно, используют механизм индоктринации. Суть и смысл их деятельности — максимально влиять на последователей, заражая их своими идеями. Подобное поведение лидеров тоталитарных сект — неотъемлемая черта любого религиозного культа.

Лидер тоталитарной секты добивается неограниченной власти и стремится разными способами, лишить своих последователей индивидуальности и свободной воли, устанавливая абсолютный деструктивный контроль над их сознанием. Такие люди либо напрямую провозглашают себя богами, либо убеждают других, что воля Бога состоит в том, чтобы следовать за ними.

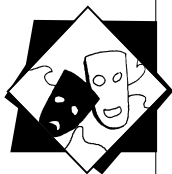
Естественно следует понимать, что быть сильным, харизматическим лидером не означает непременно быть порочным и призывать других к недостойным делам и поступкам. В этом, конечно, кроется масса возможностей для злоупотреблений. Но лидер не обязан, он всего лишь может ими воспользоваться, но может и не воспользоваться. Этим и отличается лидер деструктивного направления или религиозного культа от сильной личности, утверждающейся в позитивных делах.

Напомню, что у истоков всех трёх мировых религий (буддизм, христианство, мусульманство) стояли мощные фигуры, пользовавшиеся абсолютным доверием своей паствы и внушавшие беспредельную преданность своим последователям. Этот вариант индоктринации в результате идентификации с лидером общество не рассматривает как деструктивный, а скорее наоборот.

Для того чтобы фигура лидера оказывала индоктринирующее воздействие на других, она должна отвечать ряду требований. Если в его качестве выступает мифологический персонаж или герой художественного произведения, то образ создаётся в соответ-

8

Макдауэлл Дж., Стюарт
Д. Обманщики. М., 1994.
С. 10.

ствии с особыми требованиями. Значительно интереснее выглядит данная ситуация, когда речь идёт о реальном человеке. В этом случае его биографию надо внимательно отретушировать, над его обликом должны поработать специалисты по имиджу, его речи и книги следует особым образом отредактировать.

Возникает вопрос о том, какова степень зависимости самого лидера от идей, которые он пропагандирует? Иначе говоря, какова степень индоктринации самого лидера? Ответ на него надо искать не только на пути теоретического осмысления проблемы, но и путем эмпирических исследований. А пока зададим себе ряд вопросов: был ли сам Сан Мьунг Мун, возглавивший «крестовый поход за объединённый мир», приверженцем идей, которые пропагандировал? Насколько сам Иосиф Виссарионович был предан идеалам социализма?

Индоктринация и «культ личности» в творчестве

Особая проблема — индоктринация в итоге идентификации с лидером в сфере творчества. Для того чтобы в этом разобраться введем ещё одно редко используемое понятие — «культ личности в творчестве». Данное словосочетание следует понимать как явно выражённую **зависимость продукта творчества от личности творящего**. Этот вопрос обсуждается не столько в психологии, сколько ему уделяют внимания историки и методологи.

Если учёные, занимающиеся культурологией редко ставят вопрос о культе личности в искусстве в негативном ключе, то из уст историков науки часто слышится явный протест. Многим из них явно претит подчеркивание значимости выдающихся заслуг отдельного исследователя в том или ином научном достижении человечества. Получается, что в искусстве «культ личности творца» — явление нормальное, в практической сфере (политика, экономика, военное дело и т.п.) — допустимое, в науке совершенно неприемлемое.

Так, например, в искусстве вряд ли может оцениваться негативно стремление творца-художника вложить «всего себя» в произведение и тем самым привязать продукт своей творческой деятельности к собственным индивидуальным ценностям, идеалам, убеждениям, потребностям, интересам, страстям, переживаниям, страхам, способностям. Это всегда ожидается и воспринимается как явление закономерное, даже необходимое и желательное. Неповторимость и самоценность Микельанжело, Рафаэля, Карла Брюллова, Амадея Моцарта, Николо Паганини, Александра Пушкина, Байрона, Льва Толстого, Фёдора Достоевского, ле Корбюзье, Андрея Тарковского, Сальвадора Дали и многих других, — залог уникальности их произведений. А потому с точки зрения искусства «культ личности творца» — явление необходимое и для художественного творчества естественное.

Шедевры искусства и научные открытия даже «живут» по-разному. Известный психолог В.Н. Дружинин однажды подчеркнул такую закономерность: научная идея как человек рождается случайно, а умирает обязательно и закономерно. Любая научная теория — лишь временный инструмент. Его создают, по мере использования затачивают, совершенствуют, затем инструмент ломается или заменяется на другой, более совершенный. Потому и истинных учёных объединяет не верность какой либо идее или теории, какие бы имена за ними не стояли, а стремление к истине и верность научным методам познания.

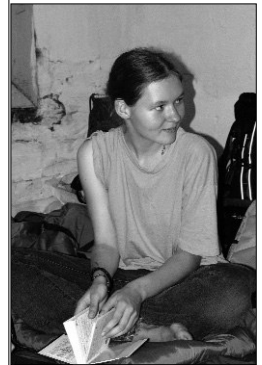
Правда, в реальной жизни мы часто наблюдаем в среде учёных действие механизма индоктринации. Известный советский философ Э. Ильенков однажды заметил, что величие учёного определяется не только тем, насколько он продвинул науку, но и тем, насколько он её затормозил. Выдающиеся учёные способны в течение долгого времени оказывать индоктринирующее влияние на коллег.

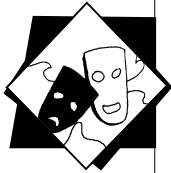
Совсем иначе обстоят дела в художественном творчестве. Произведения искусства не умирают. Конечно, можно разрушить здание, построенное великим архитектором, облить кислотой картину, навсегда потерять партитуру или сжечь рукопись неопубликованного романа, но такой ход событий нельзя признать естественным. Для произведений искусства характерно бессмертие, в то время как научные идеи устаревают, признаются неверными и, превратившись в миф, умирают, уступая своё место другим.

Несколько иные оценки роли творческой личности даются в сфере приложения практической одарённости. Так, например, писатели и даже историки, постоянно приговаривающие о том, что «история сослагательного наклонения не знает» всегда, обсуждали и, вероятно, будут обсуждать проблему роли личности в истории. Подчеркивая неизбежность тех или иных исторических событий и явлений, они отмечают важную роль конкретных людей в их осуществлении.

Например, историками утверждается, что петровские реформы были неизбежны для России, но их сценарий был бы принципиально иным, окажись в ту пору на престоле другой человек. Воинственный Наполеон, нанеся поражение египетской армии в битве у пирамид, вполне был способен пройти победным маршем до Индии. И тогда история Европы и Азии могла бы иметь несколько иной вид, но его остановил военный гений адмирала Горацио Нельсона.

Принципиально иначе обстоят дела при оценке роли личности в науке. Многие специалисты в области истории и теории научного творчества неоднократно и поднимали в своих работах вопрос о необходимости освобождении науки от «культы личности творца». Так, например, Э. Боринг писал о том что «...история науки стала бы более научной, если бы могла избавиться от «культы личности творца».

На предполагаемый этим утверждением вопрос «почему?», известный психолог Д.Б. Богоявленская даёт такой ответ: «Роль субъекта (гения) научного творчества всегда представлялась несколько мистической. Дар первооткрывателя казался людям логически необъяснимым»⁹. Поэтому и науковедами освобождение науки от «культы личности», а вместе с ним и от «гениев», может рассматриваться как попытка освобождения научного творчества от мистики. Но это утверждение справедливо лишь частично. Существуют и другие причины, попробуем в них разобраться.

Интересные рассуждения по данному поводу предлагает историк науки П. Дюгем. Он пишет о том, что история науки искажается в результате двух предрассудков. Первый — это утверждение о том, что научный прогресс осуществляется в результате внезапных и непредвиденных открытий-озарений. Второй — что этот прогресс есть результат труда гениев, титанов мысли у которых нет никаких предшественников. П. Дюгем провел серию специальных исследований доказывающих, что история науки подчиняется закону непрерывности развития. А все гении, как говорил о себе ещё И. Ньютон «...стояли на плечах титанов».

Причём предшественниками гениев не всегда были такие же, как они «титаны». П.Дюгем ссылаясь на свои исследования, настаивает на том, что доктрины, проповедуемые наиболее могучими мыслителями, проявляются в результате множества усилий, обычно накопленных массой ничем непримечательных работников. Даже такие титаны мысли как Галилео Галилей, Рене Декарт, Исаак Ньютон, Михаил Ломоносов, Чарльз Дарвин, не сформулировали ничего такого, что не было бы связано бесчисленным количеством нитей с учениями множества их мало известных или вовсе неизвестных современников и предшественников.

Направления, по которым идёт освобождение науки от культа личности творца достаточно явно выражены в современном науковедении:

- в сознание людей внедряется мысль о том, что вокруг гениев накоплено слишком много мифов и легенд. Нобелевский лауреат, французский физик П.Кюри, отмечал в частности, что титул гения с лёгкостью раздают биографы, слишком ленивые для того, чтобы выяснить те обычные свойства ума и характера, которые в соединении с удачей или случайностью сделали этих людей необычными;
- с начала XIX века активно пропагандируется идея Ч. Лоброзо об якобы единой природе гениальности и безумия;
- постоянно подчеркивается мысль о фатальной предопределённости научных открытий. Законы природы были бы открыты, независимо от того явился бы на свет тот или иной учёный;
- в конце XX века активизировались рассуждения о фактическом исчезновении индивидуального и становлении коллективного субъекта творчества.

9

Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. М., 2002.

В этих попытках явно просматривается тенденция деперсонализации науки.

Психологию со своей стороны интересует вопрос о том существует ли «культ личности в науке» и насколько в действительности личность творца и созданное им связаны между собой. Ключ к ответу, на мой взгляд, даёт давняя идея О. Конта¹⁰ согласно, которой каждая научная дисциплина и даже каждая научная идея в своём развитии проходят три стадии:

- теологическую (религиозную);
- метафизическую (философскую);
- положительную (научную).

Все науки, как известно, находятся на разных стадиях развития. Естественно, что наука вышедшая на третью — положительную, или «научную» стадию своего существования активно стремится эмансипироваться от личности творца. А наука, находящаяся на первой стадии своего развития с ним теснейшим образом связана, и без творца существовать не может. Являясь промежуточной, вторая стадия развития характеризуется как мощным влиянием личности творца, так и стремлением освободиться от него.

Вероятно, подобные обстоятельства есть симптом, указывающий на факт существования и степень развития той или иной науки. Говоря о «факте существования» мы должны подчеркнуть, что наука, находящаяся по О. Конту на теологической стадии, строго говоря, наукой считаться не может. Однако мы не можем не замечать, сколь велика в отдельных отраслях современного научного знания роль «легенд», «сказаний», «преданий», сколь часты в таких текстах неоправданные ссылки на лидеров направлений, авторитеты. Все это — свидетельство пребывания некоторых наук на теологической стадии развития.

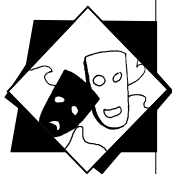
Наиболее близки к стадии «положительной» естественные науки. Представляется очевидным, что, например, «теория происхождения видов», безусловно, существовала бы, даже если бы Ч. Дарвин вообще не родился на свет. Система Н. Коперника была бы открыта другими учёными, также как законы классической механики, генетики или термодинамики. Но так ли это для психологии и многих гуманитарных наук.

Родилась бы, например, «культурно-историческая концепция» не пояись на психологическом горизонте «Моцарт психологии» — Л.С. Выготский? Явился бы на свет психоанализ без участия З. Фрейда?

Степень вероятности проявления индоктринации в научном творчестве снижается при постепенном движении данной науки от первой «теологической» стадии к третьей — «положительной». Однако индоктринация в среде научных работников, не зависимо от этого продолжает цвести пышным пустоцветом.

10

Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 2001.

Индоктринация и проблема воспитания творческой личности

Государства и общества, в особенности демократически ориентированные, провозглашают идеи развития творческой личности как главную ценность, но насколько искренним в действительности оказываются эти заявления? Могут ли эти государства и общества полностью отказаться от включения в арсенал средств сплочения своих сограждан и членов такого инструмента как индоктринация.

Общество и государство, если рассуждать формально, всегда провозглашали задачу заботы о развитии творческой личности, о раннем выявлении, всемерном развитии талантов и способностей, выражали стремление решать проблемы специального обучения одарённых детей. Но, декларировавшие эти идеи, реальные творцы образовательных систем, не всегда были искренни в этом желании. Признавая, что высокий уровень интеллектуально-творческого развития служит естественным гарантом эффективности функционирования механизмов экономического и социального прогресса, они не могли не понимать того, что эти же качества таят в себе и весьма специфическую опасность. Высокий интеллектуально-творческий потенциал — гарантия подлинной личной свободы. Человек с высокоразвитым интеллектом менее подвержен манипулированию извне, мало пригоден для роли послушного исполнителя.

Кто входит в группу риска

Потребность в индоктринации относится к числу витальных и раз она есть она должна тем или иным способом удовлетворяться.

Поскольку склонность человека к индоктринации в значительной мере обусловлена особым сочетанием средовых и генетических факторов, в обществе существует группа риска — это люди наиболее склонные к индоктринации, а также есть иной полюс — люди к ней практически несклонные. Наибольшее число людей находится на средней позиции. В целом эта картина может быть описана кривой нормального распределения Гаусса–Лапласа.

Для упрощения решения практических вопросов можно согласиться на некоторую условность, выражённую следующими процентными отношениями, вытекающими из упомянутого математического закона — 15–20% популяции составляют люди патологически склонные к индоктринации, 60–70% — норма и 15–20% — люди в мышлении и поведении которых она выражена слабо.

«Контроль сознания», «промывка мозгов», зомбирование или как в действительности работает механизм индоктринации

Журналист Э. Хантер ещё в начале 1950-х годов предложил термин «промывка мозгов». Он вошел в обиходную психологию и даже иногда используется в научной психологии в качестве аналога термина «контроль сознания». Несмотря на это разница между данными понятиями существует. Термин «промывка мозгов» предполагает насилие, он связан с открытым принуждением. Напротив, термин «контроль сознания» предполагает, что «агенты влияния» рассматриваются как друзья и наставники. Их задача, усыпив бдительность, добиться максимального снижения индивидуальной личностной защиты, сделав тем самым человека пригодным к манипулированию.

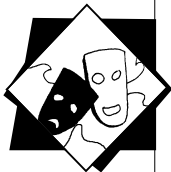
Под контролем сознания следует понимать набор методов и методик, влияющих на то, как человек думает, чувствует, действует. Как и большая часть знаний доступных человеку он не может быть оценен в категориях «хорошо-плохо». Контроль сознания становится опасен, когда человек лишается свободы выбора, возможности самостоятельно распоряжаться собственной жизнью, действовать независимо.

Конструктивный, доброжелательный контроль сознания необходим тогда, когда требуется перепрограммировать человеческое поведение. К этому приходится прибегать при лечении наркомании, освобождении человека от курения или злоупотребления алкоголем.

Однако следует помнить, что индоктринация бросает вызов самоидентичности и провоцирует ряд общих психологических состояний подталкивающих человека к слепому поклонению чужим идеям, к идентификации с лидером или группой. Часто этот процесс сопровождается интенсивными чувствами страха, вины, одиночества, и достигается путем запугивания или депрессии. Все это причудливым образом переплетается с состоянием зависимости от наставника.

В итоге человек подталкивается к аффилиативной связи с одним или более представителями индоктринирующей группы. Именно такая связь резко повышает вероятность новой идентичности и проявления прививаемых чувств лояльности. Достигается она обычно через признание авторитета наставника, а также путем особых изменений физиологического или психологического состояния. Поведение, эмоции, чувства, отношения, которые пробуждает индоктринация, специфичны для человека и являются врожденными универсалиями.

Универсальность действия механизма индоктринации, подтверждает предположение о том, что средства индоктринации

диктуются необходимостью подбора ключей, прежде всего, к сенсорному и поведенческому аппарату человека. Эти ключи, как свидетельствует социальная практика, оказывались в равной степени эффективными при объединении небольших племенных групп, членов сельскохозяйственных общин, жителей древних городов-государств. Те же склонности к формированию групповых альянсов обеспечивали и обеспечивают солидарность современных этносов, наций, и государств, состоящих из сотен миллионов граждан.

Однако в современной психологии есть и более детальные описания действия механизма индокринции. Американский психолог Р.Дж. Лифтон¹¹, занимавшийся психологией тоталитаризма, выделил восемь критериев тоталитарной организации. Опираясь на них можно определить, подвергает ли намеренно та или иная структура человека индокринции. Если несколько из этих пунктов оказываются присущи многим группам, то соответствие действий организации всем пунктам есть свидетельство того, что она использует деструктивный контроль сознания.

Средовой контроль. Контроль жизненной среды и общения в пределах этой среды. Сюда входит не только общение людей друг с другом, но и проникновение в сознание человека групповых представлений, постепенно начинающих управлять его внутренним диалогом.

Мистическое манипулирование. Специальная технология планирования случаев, демонстрирующих внешне спонтанные и «сверхъестественные» события. Все манипулируют всеми ради более высокой цели.

Требование чистоты. Установление невыполнимых стандартов поведения, что способствует созданию атмосферы вины и стыда. Независимо от того, какие усилия прикладывает человек, он всегда терпит неудачу, чувствует себя скверно и работает ещё усерднее.

Кульм исповеди. Разрушение границ личности, предписывающее делиться и признаваться в любой мысли, чувстве или действии, которые можно заподозрить в несоответствии групповым правилам. Полученная при этом информация не прощается и не забывается, а используется в целях контроля.

Священная наука. Вера в абсолютную научную и нравственную истинность групповой догмы, что не оставляет места для каких бы то ни было вопросов или альтернативных точек зрения.

Передергивание языка. Использование словесных ресурсов с целью ограничить мышление членов группы абсолютными, черно-белыми, «мыслепрерывающими» клише, понятными только для посвящённых.

Доктрина выше личности. Навязывание верований группы в противовес опыту, сознанию и целостности личности.

11

Lifton R.J. Thought
Reform and the
Psychology of Totalism.
N.Y., 1961.

32

Разделение существования. Вера в то, что члены группы имеют право на существование, а всяческие критики, диссиденты и «расстриги» — не имеют.

Заключение

Создание коалиций для защиты групповых предпочтений, групповых идей, групповых территорий от внешних посягательств представителей (или групп) того же вида — явление широко распространённое в природе. У людей это стремление заметно усиливается из-за наличия языка и возникающего вследствие этого обмена информацией, порождающего индоктринацию.

Как и почему люди объединяются в большие и малые группы? Благодаря чему эти группы могут существовать как гармоничное целое?

Почему одни группы часто бывает так легко мобилизовать на уничтожение других? Почему в ситуациях межгрупповых конфликтов так велика степень кооперации членов группы и столь поразительна уверенность каждой из сторон в собственной правоте? Даже группа, стремящаяся к полному уничтожению другой, уверена в незыблемости своих оснований. Почему человек, вступая в группу, готов разделять политические, этические, эстетические, профессиональные убеждения категорически не стыкующиеся с понятиями гуманности и нравственности?

Ответы на эти и многие другие связанные с ними вопросы мы можем получить изучая механизм и процесс индоктринации.

Научно-практическая секция «Психология исследовательского обучения» Федерации психологов образования России

Приглашаем присоединиться к деятельности секции «Психология исследовательского обучения» ФПО. Для включения в деятельность секции необходимо вступить в состав Федерации психологов образования России (в исполнительной дирекции ФПО или своём региональном отделении) — см. сайт <http://psyinfo.ru/ru/service/kak.php>. После чего дублировать заявление и анкету на эл. адрес ao@redu.ru.

Будем рады сотрудничеству!

Адрес бюро секции: 115419, Москва, ул. Донская, д. 37.

Телефоны: 208-59-74, 959-99-46, 959-99-50.

E-mail: ao@redu.ru, a@redu.ru

Интернет: www.psyinfo.ru; www.redu.ru; www.researcher.ru;
www.vernadsky.info; www.isssl.redu.ru; www.irsh.redu.ru;
